

The top half of the book cover features a composite image. On the left, a large, pale blue planet with white clouds is partially visible. In the center, a large, bright blue sphere, resembling a moon or a distant planet, dominates the sky. On the right, a dark silhouette of a modern city skyline is set against a clear blue sky. The skyline includes several tall buildings, with the most prominent one being a very tall, thin skyscraper. The overall color palette is dominated by shades of blue and white.

12+

Сергей Шаповалов
Белая пустота

Сергей Шаповалов

Белая пустота

«Автор»

2013

Шаповалов С. А.

Белая пустота / С. А. Шаповалов — «Автор», 2013

ISBN 978-5-532-93102-2

Фантастическая повесть. Простому студенту вдруг открываются тайны мироздания. Он должен построить свой мир. Но прежде ему предстоит пережить опасные приключения, столкнуться с фантастическими тварями и обрести друзей из параллельных миров.

ISBN 978-5-532-93102-2

© Шаповалов С. А., 2013

© Автор, 2013

Содержание

1	6
2	18
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Сергей Шаповалов

Белая пустота

*Алая луна.
Загляни ко мне
В темное окно.
Алая луна,
В комнате черно.
Черная стена,
Черные дома.
Черные углы.
Черная сама.
(Ника Турбина.)*

1

Не дожидаясь лифта, я взбежал по лестнице. Отопнул входную дверь. Меня встретил родной приятный дух уюта, в котором примешивался запах свежего борща с кухни, не выветриваемый никакими сквозняками парфюм младшей сестры и чуть слышный, особый кошачий запах нашей пушистой Клавы.

– Это ты? – окликнула с кухни мать, грохоча кастрюлями.

– Я! – крикнул, снимая промокшие кроссовки. Одновременно пытаюсь размотать с шеи зенитовский шарф. – Есть хочу! В универе совсем замучили.

– Борщ только приготовила, – нальешь сам. Сосиски в холодильнике – продиктовала инструкцию мать. – Я побежала на работу. Сегодня у меня вечерняя смена.

– Юлька еще не пришла? – спрашиваю.

– Нет. У нее в школе совсем завал. Вас в институте так не мучают, как ее.

– Уметь надо, – усмехнулся я.

Наконец избавился от шарфа и от куртки.

– Ты опять без шапки! Опять в кроссовках! – набросилась на меня мама, выйдя в прихожую. – На улице снег. Воспаление легких хочешь схватить?

– Да, ладно, – отмахиваюсь.

Прошел к себе в комнату, привычным ловким движением кинул в угол торбу с тетрадками. Клава стремглав вылетела за дверь. Опять в моем шкафу спала. Теперь одежду от шерсти придется чистить.

– Ма! – кричу. – Просил же не пускать кошку в мою комнату.

– Чего ты разорался? – не поняла мама. Слышно было, как она с шуршанием надевает пальто и застегивает молнию на сапогах. – Клава спит, вон – на коврике.

Ничего не понял! У меня что – глюки? Только что мимо меня пронеслась. Я выглянул в коридор. У обувной полки на круглом лоскутном коврике мирно лежит серый пушистый клубок с двумя зелеными глазами. Неужели перезанимался? – тряхнул головой и усиленно проморгался. Ничего не поменялось. Клава осталась на том же месте и наблюдала, как мама поправляет воротник пальто перед большим настенным зеркалом.

Дверь прихожей захлопнулась. Заскрежетал ключ. Я остался в квартире один.

Сел за компьютер. Серый экран проснулся, проявляя картинку со всеми чудилками: нажмите то, нажмите это. Надо будет заняться: весь лишний софт снести – все руки не доходят. Что там по почте. На Рамблере куча писем. Спам... Спам... Фигня какая-то, дескать, я выиграл пять или десять миллионов долларов... О, а это что? «Эрнест Иванович» – значилось в теме. Адрес с Яндексa, ничего не значащий... Шутка что ли? В письме стоит под тремя восклицательными знаками: Племяннику!!! Что еще за дядя нашелся? Далее по тексту: «Вход в окно – Белая Пустота».

Какая еще пустота? Спамеры шутить разучились. Внизу приписан номер сотового телефона. Это мы уже проходили: позвонишь, и с твоего счета за звонок сдерут всё до копейки. По привычке запомнил последние четыре цифры. Ладно, что там дальше?

Вдруг на меня навалилось странное ощущение, что мне смотрят в затылок. Прямо, давит взглядом. Волосы встали дыбом. Я остро ощутил, что за спиной кто-то стоял. Так обычно Юлька подкрадывается и шпионит, как я по интернету лазаю. Даже, как будто ледяное дыхание достигло моей шеи. Причем ощущение до того реально... Неприятная дрожь пробежала по телу. Но в квартире же кроме меня – никого! Я резко обернулся...

Никого. Блин! Совсем переучился! Так можно и с катушек съехать. Надо что-нибудь бодрящее принять. Решил начать с крепкого чая и сгущенки. Перезагрузился на кухню.

Пока краснобокий чайник недовольно шумел на плите, я достал из холодильника консервную банку, открытую самым варварским способом: криво-косо, ножом, и всю в засохших подтеках. Это я специально так открываю, чтобы сестра знала – банка моя. Иначе она вмиг ее опорожнит, сладкоежка. А так мне хватает дня на три.

Чайник залился хриплым отчаянным свистом. Я снял его с плиты и налил кипятка в любимую кружку с зенитовской эмблемой. Кинул чайный пакетик... Что за звуки? Прислушался. Как будто кто-то клацает по клавиатуре. Звуки доносятся из моей комнаты. Я прошел к двери, осторожно приоткрыл. Никого. Что за шишки на елке? Неужели пора к психиатру обратиться? Что-то со мной, явно – не так. Протер глаза, еще раз взглянул в сторону стола. На фоне окна с вечерним городским пейзажем мягко светился монитор. Ровно гудел системник. Стоп! Я подбежал к монитору. Вся почта исчезла! Неужели червяка поймал? Касперский краснел в нижнем углу экрана, как бы говоря: «Все нормально! Работаю! Враг не пройдет!» А почта, тогда, где? В графе «входящие» значился 0. Я ничего не удалял, точно помню. Куда почта исчезла?

В прихожей дико взвыла кошка. Мурашки пробежались по спине. Входная дверь с грохотом захлопнулась. Меня, как обдало холодным душем. Я схватил гантель из-под кровати и кинулся в прихожую. Вор успел выскочить наружу. Я с силой дернул ручку... Дверь на замке. Ничего не понимаю! Примерещилось? Но дверь-то хлопнула. Может у соседей, – попытался успокоить себя. В углу за коробкой из-под пылесоса горели зелеными угольками ошалелые глаза Клавы. А кошка чего испугалась?

– Клава, – позвал я. Голос прозвучал глухо, незнакомо. – Хочешь вискаса?

Клава спряталась еще глубже и злобно зашипела. Дурра!

Чай остыл. Я плюхнул пару ложек сахара и принялся мешать. Чашка чуть не выпала из рук, когда пронзительно зазвенел домофон. Нервы совсем разболтались.

– Кто?

– Я! – гаркнул в динамики знакомый голос дядьки.

Вскоре раздался настырный стук в дверь. Как будто не видит рядом кнопку звонка. В глазке я увидел широкую круглую рожу дяди Юры, маминого младшего брата. Кожаная кепка почти на затылке. Непослушный русский вихор спереди топорщится. Нос картошкой. Короткая дубленка распахнута, открывая необъятную грудь и такой же живот. Как обычно: клетчатая рубаха. Из-под ворота выглядывает полосатый тельник.

Я открыл.

– Мамка где? – проломился сквозь меня дядя Юра, ловко скинул остроносые туфли и пошлепал в одних носках прямо в кухню. Я закрыл входную дверь и пошел за ним.

– Че, матери нет? – задал он обычный глупый вопрос.

– В холодильник спряталась, – пошутил я.

Он даже не обратил внимание. По-хозяйски полез в буфет, достал тарелку и налил себе дымящегося борща.

– Странно, борщ свежий, а Светки нет. Дай хлеба.

Я протянул ему ржаную буханку и нож. Он криво небрежно отрезал приличный ломоть, чуть ли не в четверть буханки.

– Тут дело такое, – вдруг вспомнил он. – Дядька наш в Москве умер. Надо ехать.

– Что за дядька? – не понял я. – В Москве же сестра ваша живет двоюродная.

– А, Ленка пучеглазая? Нет. Там какой-то родственник дальний. – Он громко отхлебнул из ложки. – Горячий! Майонез есть или сметана?

Я достал из холодильника пакетик с майонезом.

– Короче, ехать надо, – сказал он, выдавливая из пакетика белую струйку.

– Зачем?

– Квартира там, в центре Москвы осталась. Прикинь! Ленка пучеглазая ее продаст, – должна поделиться.

– Так может, у дядьки этого дети были...

– Не было никого. Светка знает его, ну, мать твоя. Я-то его не видел ни разу. Ленка пучеглазая позвонила, просила приехать на дележку. Царство ему Небесное, как там его, Эрнест Иванович.

Что? Эрнест Иванович... Где-то я уже... Так мне же письмо сегодня по мылу пришло от какого-то Эрнеста Ивановича, да еще с темой «Племяннику». Ерунда какая-то.

– Ну, че, где мать? – спросил дядя Юра, покончив с борщом.

– На работе. Ее никуда не отпустят. У них пациентов – целая больница, да еще студентов-практикантов на нее повесили.

– Фигово, – сделал вывод дядя Юра, шмыгнув носом.

– Давай, вместо нее съезжу, – предложил неожиданно я. – Там что, документы нужны какие-нибудь? Или подписывать чего?

– Ничего не нужно. А как твой институт...

– У меня институт еще четыре года, а сессия только через два месяца.

– Поехали, – согласился он. – Москву посмотришь. Только шарф зенитовский не надевай, от греха – подальше. Спартаковцы поймают и на мясо пустят.

– Хорошо, – кивнул я. Действительно, а чего бы Москву не навестить? – Я только матери позвоню, да у отца денег надо взять. Как поедем?

– Деньги у меня есть, – сказал дядя Юра, хлопнув широкой ладонью по нагрудному карману дубленки. – На машине рванем. Поездом чего-то не хочется. Дорого, да и билеты надо заранее брать.

– Отлично! – обрадовался я. – А у тебя с работой как?

– Отпросился. Да мы ненадолго. Чего там торчать? Дней пять – от силы.

Новенький форд всеволожской сборки весело мчался по трассе, шурша шипованной резиной. Мимо проносились убогие деревушки и шикарные коттеджные поселки, тянулись серые осенние поля, мелькали голые пролески. Нас обгоняли шустрые джипы, мы обходили неповоротливые длинные фуры. Небо хмурилось, крапал мелкий дождь, временами переходя в снег. Дворники на лобовом стекле лениво стирали морось.

Сгущались сумерки. Водители включали ближний свет. Фары отражались в мокром полотне дороги. Приемник перестал ловить волну. Дядя Юра всунул диск с какой-то попсой: рыдающие девочки и плачущие мальчики.

– Хоть бы к утру добраться, – переживал он. – Надо было раньше выезжать.

– Дорога свободная. Чего беспокоиться? – удивился я.

– Ага. Темнеет быстро. Не люблю ночью ездить. – Вдруг он поежился. – У меня такое дурацкое ощущение: как будто мы не одни. На заднем сидении кто-то еще.

– Может, остановишься, кофе попьешь? – предложил я, шаря в сумке. Достал термос из неравеейки.

– Не, – отмахнулся дядя Юра. – Ты пей. Я закурю.

Наверное, уже наступила ночь. Меня иногда опускало в дремоту. Один раз я глубоко провалился в сон, но не понял, что сплю. Та же дорога. Я сижу в машине. Рядом рулит дядя Юра. Глянул в зеркало заднего вида. За спиной сидел бледный худой человек. Грязные длинные волосы спадали до плеч. Глаза темные, пустые. Стало жутко и неприятно. Откуда он здесь? Когда дядя Юра подобрал попутчика? Человек посмотрел на меня через зеркало пристальным, каким-то мертвым взглядом. Даже передернуло, как от холода. Показалось: у него нет белков – одни черный зрачки. Бледные губы разверзлись в жутком оскале. Сверкнули желтые клыки.

– Страшно? – спросил он глухим голосом. – Задушу! – и бросился на меня.

Я всем телом подался вперед, рванув ремень безопасности.

– Тише ты! Сдурел! – выругался дядя Юра.

Я тарашил глаза по сторонам, приходя в себя. Быстро обернулся. На заднем сиденье – пусто.

– Кошмар привиделся, – выдохнул я.

– А нефиг по дешевке кофе контрафактный покупать. Вот я не пью всякую дрянь, и мне кошмары не снятся.

Так казалось в темноте, или на самом деле: дорога стала уже. Ни впереди, ни сзади не видно огоньков фар. Трасса как будто вымерла. Дальний свет выхватывал по обочинам огромные ели, стеной сгустившиеся вдоль дороги.

– Где мы? – спросил я.

– А черт его знает, – пожал плечами дядя Юра. – Сам не пойму. Вроде, ехал все время прямо. Погляди по карте... А, что толку. Хоть бы один указатель попался.

Прямо на нас тенью метнулась что-то большое и черное. Я едва заметил, как на дорогу выскочила огромная собака, похожая на дога. Из оскаленной пасти валил пар. Дядя Юра резко вдавил педали. Тормоза противно взвизгнули. Машину завертело. Мелькали деревья. Совсем рядом пролетел старый деревянный электрический столб. Машина зарылась в канаву у обочины и остановилась.

Дядя Юра почему-то глядел на меня ошалелыми выпученными глазами.

– Цел? – спросил он.

– Вроде, – еле разжал я губы.

– Гребаная Баскервили! – выругался он. – Ты видел?

– Собака, вроде.

– А чего она размером с лося? Блин! Я сбил ее или нет?

– Удара не слышал, – ответил я. Хотя, какой там... Если бы даже слышал...

Дядька отстегнул ремень безопасности и вылез из кабины. Я последовал его примеру. Он внимательно осмотрел капот.

– Вроде, не помята, – с облегчением выдохнул дядя Юра. – Только, не понял, почему АБС не сработал. Крутило как на карусели.

Я оглянулся. Свежая колея, взрытая нашими колесами, чернела от дороги, вильнув рядом со столбом. Машина чудом не врезалась. Тогда бы мы так легко не отделались.

– Кофе осталось? – Дядька сунул в рот сигарету и нервно щелкал зажигалкой. Руки у него дрожали, как после жестокого похмелья.

– Контрафактный, – предупредил я.

– Хрен с ним. Любой пойдет. Водки бы сейчас выпил. Блин! Надо было взять бутылек.

Я налил ему дымящийся кофе. Термос хорошо держал тепло.

– Никуда сейчас не поеду. Давай до утра переждем. В машине поспим. Не замерзнем, – твердо решил он.

Мне ничего не оставалось, как только согласиться.

Нас разбудил назойливый треск. Кругом все заволочло густым серым туманом. Слабый ветерок разрывал белесую завесу и открывались голые поля, облетевшие лесополосы. По дороге полз мотоблок с тележкой. С важным видом мотоблоком правил местный байкер – сгорбленный старик в армейском пятнистом бушлате, в выцветшей серой кепке и в грязных резиновых сапогах. Он остановился возле нас и заглушил свою тарыхтелку. Мы вылезли из машины.

– Здорово отец, – поприветствовал его дядя Юра.

– Дай закурить, – требовательно прошамкал он.

Дядька протянул ему пачку легкого Винстона. Старик заскоружлыми пальцами вынул одну сигарету и сунул ее за ухо. Вторую устроил в уголке беззубого рта и принялся чиркать спичками. Наконец, затянувшись дымком, старик кивнул на машину.

– Выберешься сам или Сашку с трактором прислать?

– Сам, – махнул рукой дядя Юра. – Скажи отец, что за дорога.

– Туды – на Пупыркино, – указал он за спину, – а прямо – на Московскую трассу. Километров пятнадцать будет.

– Не понял, – Дядя Юра совсем был сбит с толку. – Как я здесь очутился?

Старик с интересом глянул на него.

– Надо пить чистый самогон, тогда и голова ясная с утра.

– Да не пил я вчера... Ехал прямо.

– Да, прямо, – кивнул старик, – только съехал криво. – Ничего. Бывает.

– А у вас тут лоси водятся? – спросил глупо дядя Юра.

Местный байкер усмехнулся.

– Лет сто назад всех перебили. Тогда и медведи водились и тигры саблезубые...

– Да ладно тебе, – обиделся дядька.

– Нет. Тут только кошки водятся. Козы есть. У меня корова. Но я ее не здесь пасу, – он выплюнул окурочек. – Ну, ладно. Бывайте.

Старик завел мотоблок и пополз дальше. В оранжевом кузове подпрыгивала выдававшая виды бензопила.

– Странно, – задумчиво произнес дядя Юра?

– Старик? – кивнул я на удаляющийся стрекот мотоблока.

– Да хрен с ним, со стариком. Мне казалось, что мы ехали через лес. Кругом сосны...

– Ели вроде были, – поправил я.

– Ели, не ели – где они? Кругом поля. Все, блин, – твой кофе.

В Москву мы попали поздно вечером. Погода мерзкая: дождь вдруг превращался в снегопад, а потом опять в дождь. Мелкая водяная взвесь сменялась крупными белыми хлопьями, которые тяжело липли на лобовое стекло и тут же таяли. Но в такой погоде были свои плюсы – гаишники не тормозили. Кому охота стоять под моросью, на ветру, чтобы заработать лишнюю сотку баксов. Нет, московские толстопузики с полосатыми палками-кормилицами слишком нежные. Это не тверские, которые ради опохмела в любую погоду бдят в кустах с радарам.

Проторчав добрых пару часов в пробках, насмотревшись вдоволь красных стоп-сигналов разного калибра, наслушавшись гудков, мы, в конце концов, попали к заветному дому. Кое-как припарковавшись, дядя Юра облегченно выдохнул:

– Приехали!

Мы вылезли на воздух. Нас тут же окатил грязью промчавшийся джип.

– Ну, как тебе Москва? – с издевкой спросил дядька, отряхивая с дубленки капли.

– Караула почетного не вижу, – буркнул я. – И звезды кремлевские не светят.

– Зато вон..., что это за река?

– Яуза, – узнал я.

– Ага. Полюбовался Москвой? Пошли в дом.

Здание оказалось старинной постройки. Мы долго объясняли в домофон глухой старухе-консьержке, кто мы такие. Она грозила вызвать милицию, говорила, что вооружена пистолетом и имеет значок: «Ворошиловский стрелок». Вскоре до старушки дошло, что мы не хулиганы. Она сжалась и пустила нас. Внимательно изучив паспорта сквозь толстые линзы очков, строгая охранница позвонила по местному телефону. Через несколько минут заурчал лифт. Нас встретила щупленькая лупоглазая женщина средних лет, на вид – замученная жизнью.

– Ой! Юрочка, Юра! – всплеснула она руками и засеменила к нам.

– Ленка! – Потонула в дядькиных медвежьих объятиях. Даже стало тревожно за ее здоровье. Но женщина тут же вырвалась.

– Это Коля, сын Светы? Я его узнала. Здравствуй, Коленька, – улыбнулась она мне.

– Здравствуйте, – немного смутился я.

– А Света? – она вопросительно взглянула на дядьку.

– Работа. Сама понимаешь... Кто ее сейчас отпустит. Осень, – все болеют.

Старинный просторный лифт, кряхтя, поднял нас на самый верх. Выше только крыша и прокопченное выхлопными газами московское небо. Двойная широкая дверь долго не хотела отпираться.

– Замок совсем старый, – жаловалась тетя Лена. – Заедает.

Наконец раздался щелчок, и дверь с противным скрипом отварила. Пахнуло кислым запахом старья, как из букинистического магазина. Вспыхнул свет.

– Ого! – качнул головой дядя Юра.

Мы очутились в огромной прихожей, как три моих комнаты, – хоть на скейте катайся. Паркет старинный. Блестел как-то странно. Мастикой натерт, что ли? Потолок высоченный. Интересно, как тут лапочки меняют? До светильника не допрыгнуть. Стремянку надо. Старинный шкаф с потемневшим зеркалом. Вешалка за вылинявшей занавесочкой. Туда мы повесили куртки на медные хищные крючья.

– Пойдем на кухню, – поманила тетя Лена. – Чайку? Я пельмени купила. Сейчас сварю. Вы голодные?

– Пельмени лучше поджарь, – распорядился дядя Юра. – Не люблю магазинные, да еще варенные. Раскиснут.

– А разве их жарят? – Захлопала глазами тетя Лена. – ... Сейчас. Чайку?

– А водка есть?

– Ну, Юра! – с упреком вздернула тонкие брови тетя Лена.

– Че, Юра? – пробурчал дядька. – В дороге такого натерпелись. До сих пор руки дрожат.

Выпив по рюмашке «Столичной», мы закусили подгорелыми пельмешками с сизым скользким мясом внутри. Хорошо и тепло стало в животе.

– Где похоронили Эрнеста Ивановича. Надо хоть на кладбище съездить, – предложил дядя Юра. Приоткрыл форточку, затянутую серой грязной марлей и закурил.

Тетя Лена схватила за горло, поморщилась, но курить разрешила.

– Не хоронили его.

– Сожгли?

– Нет. Он пропал.

– Кто пропал? Ничего не понимаю, – дядя Юра уставился на нее, как на кассира в магазине, когда цена товара оказывается в несколько раз выше, чем на ценнике.

– Эрнест Иванович пропал, – повторила она. – Год назад в розыск подали. Никаких следов. Признали умершим. Квартиру я унаследовала. Вот, теперь решила продать. Чего зря коммуналку платить.

– Так и жила бы здесь, – удивился дядька. – Вон, видон какой! Яуза!

– Дорого. Центр, все же. А так, я ее продам, да на окраине куплю детям что-нибудь приличное. Сам знаешь, мы в однокомнатной вчетвером, да еще на первом этаже...

Мне это слушать было совсем не интересно.

– Можно, осмотрюсь? – спросил я.

– Конечно, Коленька. Иди, милый, – ласково разрешила тетка.

В прихожей насчитал пять дверей. Одна низенькая – ну, с этой ясно – туалет. Четыре двери вели в разные комнаты. Высокие полотна, из цельного мореного дуба, да еще с витражными разноцветными стеклами, как в музее. С чего начать? Над одной из дверей висела мед-

ная чеканка. Был изображен какой-то странный глаз, а может иероглиф. Наверное, мне сюда. Я толкнул дверь и окунулся в полную темноту. Пошарил по стене. Нашел выключатель. Высоко под потолком вспыхнула тусклая люстра.

Я сообразил, что попал в рабочий кабинет. Обстановка напомнила мне передачи канала культуры, где солидный журналист ведет беседы с бородатыми мудрецами вот в такой же рабочей обстановке. Вдоль одной стены шел высокий книжный шкаф, забитый до отказа толстенными томами. У противоположной стены нелепые этажерки, на которых пылились какие-то камни, фотокарточки в картонных рамках, чучела птиц, еще что-то непонятное: то ли вазочки, то ли какие-то скульптурки. Посреди комнаты стоял огромный старинный стол на точенных толстенных ножках. Как из сталинского кабинета, – усмехнулся я. Столешницу покрывало зеленое сукно, местами вытертое, кое-где синели чернильные кляксы. Лампа с зеленым абажуром – ну точно сталинская. Деревянный стаканчик с карандашами... Вот это старичок! Не плохо! Ноутбук сверкал дорогим черным корпусом посреди стола.

Я обошел стол. Старинный стул недовольно скрипнул под моим задом. Хотел открыть крышку ноутбука. Остановился. Нехорошо. Как будто я вор, залез в чужой дом. Все вокруг чужое. Имею ли право вообще здесь находиться? Уселся за стол, как хозяин. В ноутбук полез без просу...

– Вот ты где, – в комнату заглянули дядя Юра и тетя Лена. – Ничего себе хоромы! – присвистнул дядька, бегая глазами по углам.

– Это был его рабочий кабинет, – объясняла тетя Лена тоном экскурсовода.

– Стол огепеушный, как в кино, где допрашивают контру недобитую. Он че, в органах служил? – пошутил дядька.

– Нет. Какие органы. Эрнест Иванович преподавал в университете. Философию, по моему, или историю.

– Во, зашибись! У меня такой родственничек был, а я еле пэтэушку закончил, – с досадой покачал головой дядька.

– Да! У него степень научная высокая. – Она подошла к этажерке и поправила рамочку с фотографией.

На нас глядел почтенный старец с умным выразительным взглядом... Как обожгло: ему бы кепку, да ватник – был бы вылитый байкер на мотоблоке.

– Старики все на одно лицо. – Дядька, тоже заметил сходство, почесал растерянно затылок и ляпнул: – А может, он не умер? Живет где-нибудь в глубинке, пасет корову, на мотоблоке разъезжает...

– Не говори глупости, – всплеснула руками тетя Лена. – Какой мотоблок. У него, вон, в гараже машина новая – мерин необъезженный. И дача в Переделкино есть. Что, он – совсем идиот: все бросить и пойти коров пасти.

– Офигеть! Да ты, Ленка, прямо – жертва Американской мечты, – совсем опешил дядька. – У тебя теперь такая квартира, Мерседес, дача, а ты все на жизнь жалуешься.

– Ой, знаешь, сколько с этим мороки. Надо все продать. Василию, мужу моему, некогда. Одна кручусь. А знаешь, сколько кругом мошенников? Да за каждую бумажку платить надо... – завела по второму кругу нытье тетя Лена.

– А ноутбук чей? – спросил я.

– Эрнеста Ивановича, наверное. Бери себе. Ты же на программиста учишься. Я не разбираюсь в компьютерах, Вася у меня – тоже. Там что-то непонятное. Он сломан или вирус...

Я открыл крышку. Засветился синий экран. Пустой. Просто пустой синий экран. Посредине продолговатое окошко с мигающим курсором для ввода пароля.

– А что за операционка?

– Чего? – не поняла тетя Лена. – Я не разбираюсь.

Странно. Виндося – не виндося. Может люнекса самопальная. Ни значков, нифига.

– А пароль?

– Откуда же мы деревенские, – грустно улыбнулась тетя Лена. – Пойдем, Юра, я тебе другие комнаты покажу.

Они ушли. Я попытался сообразить, какой пароль мог открыть систему. Вводил «Эрнест», «Иванович», «Философ», «Кант», «Шиллер»... перебирал долго – все впустую. Окошко вспыхи – валю красным цветом и вновь гасло, издевательски подмигивая курсором.

Ну, пастух! Я взглянул на фотографию. Мудрый старик чуть заметно улыбался. Глаза смотрели с ехидным прищуром: как будто усмехался над моими усилиями. Я решил не напрягать мозги, – и так с дороги ничего не соображал. Что там он изучал? Я встал и подошел к книжной полке. Пощупал потертые корешки. «История мировой религии». Солидно! «Разногласия в мировоззрении между религиозными философскими течениями – ями». Заумно! «Квантовая механика». А это ему зачем. «Поля и элементарные частицы». Оба-на! «Теория червячных переходов». Неужели он все это изучал? «Высшая математика», «Теория автоматов», «Криптография». Да тут целая научная библиотека! «Религия древнего Египта». Полка закончилась. А выше еще больше книг...

Нет. Хочу спать. Завтра осмотрюсь.

Заночевать пришлось в этой же квартире. Тетя Лена уехала к себе на окраину. Как же там Вася без нее? С голоду помрет, бедняга. Жила она где-то возле «Коховской». Далеко. Поэтому торопливо оделась, пожелала нам спокойно ночи и ушла. Дядя Юра бросил на пол старый полосатый матрац. Сверху подушку, стеганое одеяло, лег не раздеваясь, и тут же захрапел. Мне достался небольшой узкий диванчик. Он был до того стар, что казалось, вот-вот развалится. По краям цилиндрические валики с вытертой когда-то зеленой обивкой. Сколько же ему лет? Я улегся. Тут же в бок впились пружины. Не смотря на неудобства, я вроде бы задремал, но спустя час сон напрочь улетучился.

Около часа лежал с открытыми глазами, слушал храп дядьки, следил, как по потолку проползают лучи от фар, пронесшихся по улице автомобилей. Подумал, что надо бы тоже улечься на полу. Намного удобней, чем на этом бугристом диване.

Дисплей моего телефона вспыхнул. Сам мобильник затрясся, но тут же замер. Номером ошиблись? Я протянул руку к тумбочке, куда бросил мобильник. На дисплее высветился незнакомый номер. Последние четыре цифры... Привычка всегда запоминать последние четыре цифры. Я вспомнил их: из того таинственного письма по мылу. Что еще за прикол?

Тихонько встал, прошел на кухню. Включил лампу. Свет показался чересчур яркий. Набрал таинственный номер. Долгие гудки...

– Слушаю вас, – прозвучал сонный голос.

– Добрый вечер.

– Почти утро. Чем обязан? – недовольно но вежливо поправил меня человек на другом конце.

– Вы мне звонили пять минут назад. У меня высветился ваш номер.

– Вы ошиблись. Спокойной ночи.

– Погодите, – остановил я его. – Еще вы мне прислали недавно по электронке письмо со странным сообщением.

– Какое письмо, – его усталый тон перерастал в раздражение.

– Про «Белую пустоту».

Долгое напряженное молчание прервалось бодрим восклицанием:

– Вы Коля, то есть – Николай?

– Да.

– Вот, вы про что! Меня Андреем зовут. Эрнест Иванович был моим научным руководителем. Еще в институте. Он был стран – ным человеком. Позвонил мне, где-то, год назад, дал мне ваш электронный адрес и послание. Попросил вас написать, как только он умрет.

- А откуда вы знаете, что он умер? – допрашивал я незнакомца.
- Откуда? – человек на том конце серьезно задумался. – Ну как же. Он же умер.
- Почему вы так уверены?
- Мне сказали.
- Кто?
- Кто же... Не помню.
- А что это значило: «Вход в Окно – белая пустота»?
- Понятия не имею. Я только выполнил просьбу...
- Извините, что разбудил. – Спрашивать больше нечего.
- Да, ничего. До свидания.
- Вы приходите сюда на квартиру к Эрнесту Ивановичу. Здесь много книг осталось...

Может, вам пригодятся что.

- Большое спасибо, – обрадовался Андрей. – Обязательно зайду.

Я решил повторить попытку уснуть на скрипучем диванчике. Пошел обратно. Мое внимание привлек сумрачный свет сквозь витражное стекло из кабинета. Я толкнул дверь. Ноутбук стоял открытый. Я же его закрывал. Или нет? Сел за стол и уставился на синий экран. Курсор все так же издевательски мигал в продолговатом окошке... Окошке! Окне! Окно! Вход в окно! Может, про это окно говорилось в письме? Тогда, что такое «Белая пустота»? Я начал размышлять. В тексте, набираемом на компьютере нет пусто. Даже пробел имеет свою кодировку. Стоп! Пробел! В тексте – это пустота. Белая пустота – пробел.

Я уверенно щелкнул по длинной клавише пробела. Чудо! Окошко подсветилось зеленым. Энтер – пошла загрузка. Мудрец! – усмехнулся я, взглянув на старичка в картонной рамке. Я и то до такого бы не додумался. Это же таким паролем можно любого хакера обломать.

Что за операционка, я так и не понял. Все-таки, что-то из люнексов. На «рабочем столе» никаких ярлыков, только множество текстовых файлов, и все под номерами. Естественно, я открыл тот, что под номером 1. Несколько строк какой-то абракадабры. Прочитал вслух. Чуть язык не поломал. Как-то жутковато получилось.

...Я испугался за свое психическое состояние, когда справа увидел вместо стены с этажерками огромное зеркало. Откуда оно появилось? В нем отражалась комната, стол с зеленой лампой, стул... Только на стуле, там в отражении, сидел не я, а Эрнест Иванович...

– Здравствуйте, Николай, – произнесло отображение сильным ровным голосом университетского лектора.

– ...сте, – растерялся я, почувствовав, как волосы по всему телу встают дыбом. Голову бросило в жар.

– Рад, что вы додумались, как открыть портал. Не переживайте, с психикой у вас все в порядке. Представьте, что вы герой фантастического романа. Как вам такая перспектива?

- Простите, – я немного пришел в себя и осмелел. – Я разго – вариваю с покойником?

– Не понял.

– Но, вы же – умерли.

– Скажем так: перешел в другое состояние. Вы тоже сейчас находитесь в состоянии не совсем нормальном, для земной среды. Иначе меня бы не видели.

– Неужели кофе с наркотой? – тряхнул я головой.

– Давайте так! – Эрнест Иванович похлопал ладонью по столу. – Теперь вы знаете, как войти в портал. На первый раз хватит. Но прошу вас об одном: будьте осторожны и осмотрительны. С этого момента вы подвержены опасности.

– Какой еще опасности?

– Серьезной.

– С чьей стороны? – не понял я.

– Назовем их: «Темные Силы». Так что не доверяйте никому, даже если человек вам покажется очень хорошим и добрым. Теперь – прощайте. Изучайте материалы. Я пронумеровал все файлы, по возрастанию сложности. Жду вас завтра, – протараторил он, совсем как преподаватель в конце лекции.

– Колян! Колян! Хрен спячий! Кофе будешь? – в дверях торчала заспанная рожа дяди Юры.

Я постепенно приходил в себя. С удивлением посмотрел на стену. Этажерки на месте. Эрнест Иванович с портрета глядел на меня внимательно и немного насмешливо.

– Ты чего тарашись, как кот на кошку после кастрации? – усмехнулся дядя Юра. – Пошли чего-нибудь съедем.

На завтрак только овсяное печенье с чаем. В старинном тарахтящем холодильнике с гордой надписью «Саратов» на полке нашли кусочек пожелтевшего сливочного масла, сморщенную от невыносимой старости копченную колбасу с белым налетом и треугольник сыра, поросший веселой синей плесенью.

– Не густо, – скривился дядя Юра.

– А от кофе можно с ума сойти? – не в тему спросил я.

– От кофе? – Он попл плечами, пробуя очистить сыр от плесени. – От водки белочка посещает, но это – когда явный перебор. А вот, чтобы от кофе... Не слышал. – Он озабоченно поглядел на меня. – Что-то ты сегодня бледный. Температуры нет?

Полдня мы мотались по дождливой нарядной Москве. Посещали какие-то агентства, просидели час у нотариуса. Еще заполняли справки в тесных обшарпанных конторках госу – государственных заведений. Вечером, все в той же квартире на Яузе собрались родственники. Сели в обширной гостиной за круглый стол и долго делили предполагаемое наследство: Тетя Лена с мужем Васей, мы с дядькой и еще какая-то пожилая чета интеллигентной наружности.

Уладив все шероховатости, родственники разъехались. Мы с дядей Юрой остались вновь одни в пустой старой квартире. Он обнаружил под кружевной салфеткой выпуклый экран старин – ного телевизора, покрытого приличным слоем пыли. А мы сначала подумали, что это тумбочка. Но телевизор работал и даже показывал в цветном изображении. Правда, лица у дик-торов были с синевой, а если в сюжете проскакивал кусочек неба, то обязательно розовый.

Пока дядька дремал в кресле, слушая вечерние новости, я прокрался в кабинет Эрнеста Ивановича. Ноутбук так и манил серым экраном. Ну что, попробовать проверить: псих я, или мне приснился очередной кошмар?

Пробел. Окошко перекрасилось зеленым. Энтер. Зашуршал винчестер, загружая систему. Опять тот же рабочий стол с множеством документов. На этот раз я открыл номер 2. В документе оказалась таблица кодировки алфавита. Только вперемешку с латинскими буквами шла арабская вязь, иероглифы: и китайские, и корейские, и японские, еще какие-то знаки. Под каждым знаком шел набор двоичного кода. Всего шестьдесят четыре разряда нулей и единиц. Вот, такого я еще не видел. Что за юникод новый?

Пролистав скролом несколько страниц, я наткнулся на инструкцию. Текст заумный, с множеством примеров и пояснений, напоминал чертовщину по черной магии. Немного вник в суть. Каждая буква имеет свой код. Ну, – это ежику понятно. Дальше – полный бред. Если мы хотим перевести материю в другое состояние, надо составить из слова, которым обозначается данный предмет код. К этому коду составить другой код, чтобы при сумме бинарного вычисления оставались нули, а единица выскакивала за последний разряд. Эта единица и есть – энергетическая составляющая.

Такого бреда я еще не читал! Что за средневековый учебник по информатике?

На чем бы попробовать? Я нашел на этажерке кусок серого отполированного до блеска базальта с выгравированной золотой надписью «Эльбрус». По таблице кодировки нашел буквы, составляющие слово «Камень». Выписал коды. Подписал под ними другой, чтобы при сумме

получались нули с выс-какивающей единичкой. После нашел в таблице соответ-ствующие буквы. Как не странно, получилось слово. Непоня-тное, но с правильно чередующимися глас-ными и согласными. Я его произнес, пристально глядя на камень. Ничего не произо-шло. Как лежал на столе кусок серого базальта, так и продолжал лежать. Во, придурок! – подумал я сам про себе. – Повелся на какую-то белиберду. Решил пойти на кухню заварить чай. Взял камень, чтобы положить его на место... Под моими пальцами камень рассыпался в серую пыль. Раска-ленный до бела шар выскочил из-под ладони и метнулся в лицо. Ослепительная вспышка...

...Я уткнулся носом в сухой белый песок. Голова гудела, как будто над ухом была сирена. Я сжал ладонями виски и попы-тался сесть. Гул постепенно утихал. Я огляделся. Что за... Кру-гом песок. Пустыня!? Настоящая пустыня! Небо непонятного фиолетового цвета. На нем звезды. Но кругом светло, хотя солнца не видно. Ужасная мысль чуть не взорвала мозг: Неу-жели я окончательно чокнулся?

– Надо было осторожнее с заклинаниями.

Я с хрустом повернул шею. Эрнест Иванович в приличном сером костюме стоял рядом, белая рубашка со стоячим ворот-ничком. Не хватало бабочки.

– Что со мной произошло? – я казался себе маленьким, потеряв-шимся ребенком.

– Это я виноват. Надо было вас, Коленька, предупредить. – Он протянул мне руку и помог подняться на ноги. Ладонь его показалась нормальной живой и даже теплой. – Когда разру-шаете какую-нибудь структуру, высвобождается энергия связи. Надо эту энергию уметь поглощать или же отсылать в простран-ство.

– Что еще за энергия? – Я не успевал следить за его мыслями.

– В любой сущности есть энергия. Сама сущность, по сути – энергия. Из физики помните: ничто не пропадает и ниоткуда не появляется. Вы разрушили камень. Высвободилась энергия связи. Она ударила в вас и изменила структуру вашего поля.

– Я умер? – испугался я.

– Да нет же.

– А вы?

–Ну вот, опять..., – Мне показалось, что он начинает сердиться.

– Так объясните нормально! – во мне все кипело. – Какого ... я тут делаю. Что тут вообще за ... тут происходит?

– Тише! Тише! – похлопал он меня по плечу. – Не забывайте, что любая мысль и любое слово – материально. Поля. Кругом поля.

– Леса и горы, – съязвил я.

– Любая элементарная частица – это свернутое поле. Пони-маете? – не обратил внимание он на мою остроуту. – Ну, вы же умный человек, разбираетесь в физике и в математике.

– Помню, – кивнул я, вытаскивая из памяти полузабытое опреде-ление, – ...существует независимо от нас, от наших знаний о нем. Но объясните: где я нахожусь?

– В параллельном мире, если определять банально.

– Что за бред...

– Ничуть. Миров много, как и полей.

– Почему же никто их не видит?

– Почему вы не видите гравитационное поле? Электромагнитное поле?

– Вы Хоттабыч из сказки или Морфиус из Матрицы.

– На второй раз довольно, – холодно ответил он.

– Нет! Не довольно! – возмутился я.

– Тише! – прошипел он, прикладывая указательный палец к губам. – Это не мой мир. Надо скорее отсюда убираться.

Из-под земли нарастал гул, приближался, сотрясая внутрен ности. Над горизонтом, заслоняя сиреневое небо, вырастала огромная каменная пирамида одно к одному, как в кар-

тинках про чудеса Египта. Казалось, она из красного гранита. Разверзся песок, и на поверхность из бурлящих недр выскочили огромные львы с человеческими головами. Что еще, блин, за сфинксы. Чудовища кинулись на нас, сверкая красными хищными глазами и скаля зубастые пасти.

От ужаса я попятился назад. Стул с грохотом упал на пол вме-сте со мной.

– Колян, ты чего там? – проснулся дядя Юра

Я вскочил на ноги и, не помня себя от страха, помчался в ванную. В аптечке кроме бинта и йода ничего не было. Руки дрожали.

– Да ты чего такой бледный? – дядя Юра заглянул в ванную.

– Здесь есть валерьянка? – чуть не плакал я.

– Сердце?

– Нет!

– Тогда коньячку.

– Ага! – согласился я.

Выпил пол стакана, даже не поморщился. Коньяк пролетел, как вода и разогрел живот. Из живота тепло побежало по телу. С теплом пришло спокойствие.

– Что произошло? – допытывался дядька.

Как я ему объясню? Скажу, что впадаю в беспамятство и во время приступа разговариваю с почившим Эрнестом Ивановичем-чем? Юра сразу меня в дурку сдаст.

– Заснул. Кошмар приснился, – сказал я.

– Впечатлительный ты какой-то, – понимающе кивнул дядя Юра. – Хотя, мне тоже здесь не уютно. Давай завтра смотаемся домой. Пусть Ленка сама все доделывает. Что надо – мы подписали. Шкуру поделили...

2

Как не странно, в Питер доехали без приключений. На дороге мешанина из снега и воды. Тяжелые фуры чуть сторонились к обочине, пропуская легковушки. Из-под колес фонтаны грязи. Впереди авария за аварией. Искореженные авто, битые стекла, яркие жилеты сотрудников ГАИ, белые машины с мигалками и красными крестами. Лишь только показались яркие огни Пулковского аэропорта, дядя Юра облегченно выдохнул:

– Пронесло! Добрались.

Дома – все, как обычно.

– Юрка совсем с ума сошел, в такую погоду ездить, – кипела мама, встретив меня в прихожей. – А если бы в аварию попали? Я ему завтра позвоню... Я ему устрою...

– Вау! – воскликнула сестренка, хитро блеснув глазками. – Ты мне нотик привез. Красивый какой!

– На. Бери! – я отдал ей ноутбук, и Юлька с визгом восторга бросилась в свою комнату. Я прошел на кухню и полез за банкой кофе.

– Похоронили? – спросила мама.

– Кого? Нет, – сообразил я. – Пропал дядька. Перешел в другое состояние.

– Сам-то понял, что сказал? – немного обиделась мама.

В кухню вошла мрачная Юлька. Щеки надуты, губки трубочкой. Она прижалась к маминей груди, так обычно делает, когда хочет, чтобы ее жалели, и обиженно прогундосила:

– Брат называется...

– На этот раз, что не поделили? – устало вздохнула мать.

– Я обрадовалась, – чуть не хныкая, начала объяснять сестра. – Любимый братик ноутбук подарил... А там ничего нет.

– Разбирайтесь сами, – воскликнула мать. – Я в компьютерах не понимаю. – Строго взглянув на мою ухмыляющуюся рожу, набросилась тут же: – И доставляет тебе удовольствие над сестрой издеваться!

– Ни над кем я не издевался. Попросила ноутбук – я ей отдал, – оправдывался я и, в свою очередь накинусь на Юльку. – Маленькая что ли. Диск возьми да винду поставь. У самой мозгов хватит?

– Там дисководов нет, – чуть не плача, ответил Юлька.

– Не заливай, – начал злиться я. – Во всех нотах есть дисководы.

– А там – нет, – продолжала настаивать Юлька. – И юизбишки нет. Мам, чего он?

– Помоги сестре, – вновь оказался в виноватых. – Притащил хреновину, только ребенку нервы портишь.

– Ладно! Сейчас посмотрю, – сдался я.

Раздраженный, вышел из кухни. В Юлькиной комнате вечный розовый бардак, кружку с кофе поставить некуда. На столе среди тетрадок с пестрыми обложками и косметики стоял открытый ноутбук и невозмутимо мигал красным курсором в белом окошке. Я уселся перед ним, провел рукой по блестящему черному корпусу... Никаких дисководов или портов. Чудеса! И как с ним управляться? Нашел гнездо для сетевухи или для модема. Может отсюда как-нибудь до него достучаться?

– Юлька! – сердито крикнул я. – Хоть бы на стол прибрала.

– Я приберу! – Даже вздрогнул. Юлька стояла за моей спиной. Умеет незаметно подкрадываться. – Ну, чего? – плаксиво спросила она.

– Пока – не знаю, – ответил я. – Попробую.

– Пожалуйста, пожалуйста! – Терпеть не могу, когда Юлька начинает подлизываться и кланяться что-нибудь. Она мастерица в этом деле. Обняла меня за шею сзади, начала петь, что я у нее единственный любимый братик...

– К компу подсоединю, к своему. Попробую винду воткнуть, – пообещал я.

– А скайп поставишь? – тут же пристала сестра. – Ты на своем компе не разрешаешь ставить, а у меня в классе у всех есть. Одна я...

– Хватит ныть. Поставлю, – сдался, только бы не надоедала.

– И Sims, – посыпались требования.

– Обязательно...

...Провозился до ночи, так и не понял, как пробиться к мозгам ноутбука. Никакие хакерские программки не могли обнаружить его. Похоже, стояла хорошая защита. Я уставился на экран с пронумерованными файлами: И что же мне с тобой делать? Открыл файл под номером 3. Всплыло окно с предупреждающей надписью: «Внимание! Работать с документом только в присутствии магистра». Внизу две кнопки с надписью: «Магистр присутствует» и «Закрыть документ». Очередной бред! Какой еще магистр? Где я тут магистра раздобуду среди ночи? Я кликнул по первой кнопке, окно с предупреждением исчезло.

В документе оказались карты. Странные какие-то. Все, как обычно: меридианы, параллели, моря, материки... Только все – не так. Что именно я сразу не сообразил. Но после увидел... Антарктида с множеством городов. На северном полюсе огромный архипелаг островов. Еще на одной карте был изображен земной глобус. Над северным и над южным полюсами нарисованы воронки. Странная надпись «Входы в Белую Пустоту»

Скрипнула дверь. Клава юркнула под диван. Вот, зараза! Теперь ее оттуда не выгнать. Ну, да бог с ней.

– Только попробуй в шкаф залезть! – грозно предупредил ее.

Два зеленых глаза настороженно уставились на меня из-под дивана.

В квартире все спали. За окном ночь, свет желтых фонарей. Одинокие машины иногда проносились по улице. Я выписал слова «Вход в Белую Пустоту». Открыл файл № 1 и по кодировочной таблице составил заклинание. Произнес – ничего не произошло. А! вспомнил я. Забыл о пробелах. Начал составлять новую формулу... Клава зашипела под диваном. На кого это она так? В комнате только я один. На меня, что ли? Да, ну ее. Вновь принялся выводить заклинание. Клава вскочила ко мне на колени и заурчала.

– Не мешай!

Я скинул ее на пол. Она вновь запрыгнула.

– Отстань! – опять прогнал ее.

Клава уставилась на меня, как на врага и злобно зашипела. Вот дурра!

– Пошла вон! – прикрикнул я.

Клава метнулась в угол комнаты. Сжалась в комок, но продолжала недовольно рычать. Придурочная!

Наконец я составил полное заклинание и произнес странные слова...

...Со мной ничего не произошло. Я сидел так же, на стуле... Но вокруг меня все переменялось. Никаких вспышек, молний, дымовых завес. Все свершилось незаметно и тихо, как слайд сменился на мониторе.

Окно исчезло. Стены в комнате состояли из желтого пористого камня. И пол из того же камня. Интересно, на этот раз, куда меня занесло? Стул подо мной – не стул – каменный жесткий трон с широкими подлокотниками. Дурацкая белая одежда на мне, перетянутая красным поясом с кисточками. Ого! Широ-ценное ожерелье на плечах. Тяжелое. Блин! А где штаны? Я без штанов!

Огляделся. Никого. Да и комната пустая. Куда мебель делась? Где мой Диван? Где стол с компом? Шкаф? В углу зашевелилась черная мохнатая куча и поднялась на лапы. Клава! Точно – она. Только раз в десять крупнее. Но это – Клава! Да что же творится?

– Кис, кис, – позвал я.

– Кис, кис, – передразнила меня кошка, сузив зеленые глаза. – Ну и чего ты сюда приперся?

– Ты разговариваешь или это очередной глюк?

– До чего же вы люди – глупые. – Огромная пушистая кошка медленно подошла ближе ко мне и заурчала. – Думаете, что управляете миром. Живете в самом паршивом измерении и всем довольны.

– Клава, это ты, – чуть не взвизгнул я. – Ты говоришь?

Она приблизила ко мне мохнатую голову с немигающими глазами и длинными усами. Принюхалась. Голова ее была не меньше моей.

– Я. Ты не ошибся. Чего дрожишь, глупенький, мягкотелый, лысый человечиска?

– Эй, поосторожней, – погрозил я. – Не помнишь, как тебя на помойке нашли, да отмыли. Блох твоих давили... Все же в квартире нашей живешь.

– Откуда ты знаешь, глупец, где кошке лучше жить: в квартире или на свободе?

Она медленно с презрением отвернулась и медленно обошла вокруг трона, на котором я сидел, мягко ступая большими когтистыми лапами.

– Это кто – глупец? – возмутился я. – Как вискас у меня кланчить, – так я не глупец.

– Вискас, – иронично бросила она, появляясь с другой стороны. – Ты должен быть счастлив, что я живу в вашем доме. Ты же не знаешь, что за гадость появляется у вас по углам ночью.

– Мыши? – удивился я.

– Мыши? – она расхохоталась, показывая острые белые зубки. – Думаешь, случайно твоя сестра заболела воспалением легких три года назад и чуть не умерла?

Я вздрогнул, вспомнив, как Юльку увозила скорая помощь. Она месяц в больнице провалялась под капельницей. Мы с мамой и с отцом чуть ли не каждый день к ней ходили. Мать совсем извелась. Я сильно переживал. Врачи нас ругали за то, что мы не доглядели за ребенком. Еще бы чуть-чуть и... Даже жутко вспоминать.

– Она простудилась, – пожал я плечами.

– Простудилась, – хмыкнула Клава. – С тобой бесполезно разговаривать.

– Почему, это? – возмутился я.

– Зачем ты сюда пришел? – Она уселась напротив и принялась вылизывать переднюю лапку.

– Заклинание вычислил...

– Прежде, чем вычислять заклинание, и куда-нибудь пере-носиться, надо подумать, как обратно выбираться, – холодно произнесла говорящая кошка. – Ты же не магистр.

– Нет, – признался я.

– Так чего в карты полез? Разве предупреждение не прочитал?

– А где мы? – глупо огляделся я.

– Вот, с этого и надо было начинать. – Она прекратила лизаться. – Мы недалеко в Белой Пустоте, в межполевой зоне.

– А что такое – Белая Пустота?

– Ты даже этого не знаешь? – возмутилась она. – Вопросы – потом.

– А ты как здесь оказалась?

– За тобой пришла. Надо же выручать глупого мальчишку.

– Хватит обзывать! – запротестовал я.

– Ладно, – снисходительно бросила Клава. – В каком виде перед тобой предстать?

– Не понял, чего, как, в каком? В естественном.

– Ты совсем ничего не понимаешь. Зачем, только тебе доверили книгу Тота.

– Кого?

Но Клава меня не слушала. Она выгнулась, затем подобрала лапы, свернулась в клубок, и передо мной распрямилась высокая стройная женщина. Я раскрыл рот от изумления. Смуглое лицо с правильными тонкими чертами гордое, красивое напоминало лик древних египетских богинь. Густые черные локоны на затылке перехватывала нить крупного жемчуга. Дальше волосы хвостом падали на спину. Черное узкое платье оставляло открытыми сильные красивые плечи и тонкие руки. Подол мягкими складками спускался до самой земли, очерчивая крутые бедра.

– Рот закрой, – гланды простудишь, – сказала Клава, чуть разжимая полные пунцовые губы.

Я захлопнул челюсть. Не зная, что сказать, несмело спросил:

– Как мне теперь тебя... Вас звать?

– Ах, у тебя кодировочной таблицы нет с собой. Бедняга. – Она улыбнулась одними глазами. О, ужас! Глаза у нее остались кошачьими зелеными, с вертикальными бездонными зрачками. – Зови меня Неферклава. Прекрасная Клава.

Я чуть не прыснул от смеха.

– Пойдем. – Она протянула мне узкую смуглую ладонь. – Не бойся, не волосатая.

Я коснулся ее руки. Теплая, мягкая, как у кошечки. Она сильно сжала мои пальцы, когти впились в ладонь.

– Я не убегу, не бойся, – попытался вырваться, но она крепко держала руку.

Презрительный оскал прорезался сквозь пунцовые губы:

– Я знаю, – издевательски спокойно сказала Клава. – Куда тебе бежать?

Ничего не понимая, я поднялся со стула, сделал шаг и чуть не упал. Неферклава удержала меня. На ногах неудобная обувь, чем-то напоминающие сандалии. Лодочки с загнутыми вверх носами, да еще изготовлены из тяжелого металла.

– Осторожней, малыш, – усмехнулась Клава, отпуская мою руку. – Никогда не делай необдуманных шагов.

– Нафига мне эти коры, – возмутился я, указывая на сандалии.

– Так принято, – холодно осадил меня Клава. – Все, кто от людей ходят в этих сандалиях.

– А ты? – спросил я.

Она одернула подол платья. В вырезе показалась стройная мускулистая икра, а вместо ступни шерстяная кошачья лапа.

– Конечно, башмаки у тебя круче, – вздохнул я, но потом вспомнил: – А где мои штаны. Я так и буду, как шотландец трясти...

– Разве тебе неудобно, – ухмыльнулась Клава. – Или боишься потерять драгоценный груз?

Во, зараза! Еще издевается.

– А ты тоже без трусов ходишь? – спросил я, стараясь ее задеть.

Клава сузила черные зрачки. Лицо ее приняло грозное выражение. Казалось, сейчас набросится на меня.

– Может тебе еще и волосы на лобке показать? – чуть разжимая губы, прошипела она. – Говоришь много. Здесь не принято много говорить. С каждым словом – теряешь силы.

Она грациозной кошачьей походкой двинулась вперед. Я заковылял вслед, стараясь приноровиться к незнакомой и очень неудобной обуви.

– Куда мы идем? – окликнул я ее.

– К моей госпоже, – не оборачиваясь, ответила она.

Что еще за госпожа? Ай, ладно. Пойду за ней. А что мне еще оставалось делать?

Как будто мы петляли по древнему городу. Узкие улочки вились зигзагами, так что впереди и сзади на сто шагов видны все те же одинаковые каменные стены из пористого песка. Яркий солнечный свет заливал все вокруг. Но странно: солнца в голубом чистом небе я не видел, и еще удивительней – нигде не было тени. Под неудобными сандалиями шуршал песок, такого же неприметного желтого цвета, что и стены вокруг. Клава впереди меня крутила попой. Фигурка стройная, – загляденье. Бедро, как литые. А талия до чего же тонкая. Но плечи, как у пловчихи, хотя очень изящные. Можно принять за простую девушку, если бы не кошачьи следы, остающиеся после нее. Мы проходили мимо сводчатых проемов дверей. На металлических створках чеканкой выбиты странные символы. Возле одной из дверей Неферклава остановилась.

– Нам, сюда.

Со всех сторон с жутким жалобным завыванием к нам стали подползать серые фигуры в бесформенных балахонах. На головах огромные капюшоны, скрывающие лица. Я попытался разглядеть лицо одной из фигур. Меня обдало жутким холодом. Под капюшоном оказалась глубокая черная пустота. Все поплыло перед глазами. Слабость сковала тело. Как будто из меня вытягивают силы...

– Не смей! – крикнула испуганно Клава. Она шагнула вперед, закрыла меня телом, напряглась, как кошка перед прыжком и громко заорала: – Прочь!

Балахоны тут же разбежались.

– Кто это? – дрожащим голосом спросил я, восстанавливая дыхание.

– Тени, – просто ответил Клава, все еще озираясь по сторонам.

– Это как?

– Это кто, – поправила она, повернулась ко мне, оглядела, словно врач пациента. – Тени – материя с остатками энергии. Чувствуешь себя нормально?

– Блин, ну, ты – физик. Объясни по-человечески. Какая, нафиг, материя?

– Потом, – отмахнулась Неферклава, вновь повернулась к двери и принялась читать жуткие заклинания, при этом делая плавные пассажи руками.

Створки распахнулись под напором горячего ветра. Нас окатило жаром раскаленная воздушная волна. Взору открылась красновато-коричневая пустыня, вся в невысоких барханах. Порывы ветра закручивали вихри мелкой бурой пыли. Небо темное, как будто только после заката.

– Владенье Сета, – объяснила мне Клава. – Надо быстро пройти до следующего входа.

– А стоит ли? – засомневался я. – Может, как-нибудь в обход?

Не очень то хотелось идти по пустыне. Какое-то дурное предчувствие вдруг овладело мной. Клава посмотрела на меня, как на глупого мальчишку.

– В обход – несколько не легче. Пойдем здесь. – На губах мелькнула презрительная ухмылка. – И не бойся, малыш, – я рядом.

Почуввав мою нерешительность, Клава вплотную приблизила свое смуглое остренькое личико с красиво очерченными скулами к моему лицу и сказала:

– Хочешь попасть домой – слушай меня.

– А что, могу не попасть?

Рот ее скривился.

– И что я только с тобой вожусь?

– Вискас отрабатываешь.

Черные зрачки вновь зло сузились.

– Может, тебе припомнить, как ты меня маленькую к туалету приучал? Мордой в обоссанный ковер тыкал?

В ее взгляде и шипении было столько злости, что я решил больше не спорить.

– Пошли, – согласился я и шагнул вперед.

Ноги тут же утонули по щиколотку. Я зачерпывал пригоршни горячего песка сандалиями. Мне это надоело. Попытался снять дурацкую обувь.

– Не советую, – остановила меня Неферклава.

Тут же по металлическому сандалию что-то клацнуло. Я отпрыгнул в сторону. Из песка, где я только что стоял, появилось жало, а следом вылез черный скорпион с ладонь величиной. Клава гортанно крикнула заклинание, скорпион скукожился, как кусок бумаги, брошенный на угли, и рассыпался в прах. На его месте появился красный светящийся шарик и поплыл вверх.

Шаровая молния! – шарахнулся я в сторону. Но Клава ловко поймала шарик рукой, и он исчез в ее ладони, превратившись в маленький желтый камешек.

– Это что? – спросил я.

– Янтарь, солнечный камень.

– Я алмазы можешь делать?

– Как мне надоели твои глупые вопросы... – покачала она головой.

Дальше я шел осторожней: хорошенько смотрел, куда ступаю. Правда, приходилось еще защищать лицо от ветра, швырявшего в нас мелкий песок. Клаве хорошо. Она перекинула густые волосы со спины на лицо. Ветер с песком ей не страшен.

Я обернулся и посмотрел в ту сторону, откуда мы вышли. Никаких стен, никакого города, только безбрежная красная пустыня. Единственное строение – гранитная пирамида устремилась ввысь метров на сто. Внизу чернел прямоугольник входа. Куда делся город? Чудеса!

– Нам надо добраться туда, – указала Клава вперед рукой. Я еле различил сквозь вихри песка холмик, торчащий клином в небо. Еще одна пирамида.

– Как в древнем Египте, – поделился я соображениями. – В таких хоронили фараонов.

– Никого там не хоронили, – хмыкнула Клава, поражаясь моему невежеству. – Это всего лишь ворота. Просто, на Земле ими давно никто не пользуется.

– Ага, – вспомнил я. – Чего-то там американцы фильмец ставили. «Звездные ворота», вроде бы...

Клава даже не обратила внимание на мою реплику. Совсем за дурачка меня считает.

Мы очутились на краю обрыва. Под нами раскинулась низина, напоминающая лунный кратер. Ровная круглая площадка пару километров в диаметре. Крутые песчаные откосы тянулись метров на сорок вниз. Клава уверенно стала спускаться. Я – за ней. Здесь, в долине ветер стих, и красный песок под ногами казался плотнее, даже кое-где попадались камни.

Мы прошли больше половины кратера, когда Клава вдруг замерла и насторожилась. Я огляделся, но ничего подозрительного не заметил: все тот же безжизненный пейзаж.

– Идем, – нетерпеливо воскликнул я.

Но Клава подняла вверх палец, призывая к молчанию, и шумно втянула воздух носом. Бросила быстрый взгляд по сторонам, вытянула вперед руку, произнесла жуткое заклинание. Из ладони ее вырвался луч пламени. Она очертила огненный круг, внутри которого мы оказались. Песок вскипел тягучей пеной, под действием луча, превращаясь в грязные куски оплывшего стекла.

На склонах кратера я увидел множество черных точек. Они быстро спускались вниз. Вскоре со всех сторон к нам бежали высокие люди с дубинами в руках, явно, не с дружескими намерениями. Только, когда они приблизились шагов на двадцать, я увидел, что головы их напоминали волчьи или собачьи. Они кидались на нас, но никак не могли переступить оплавленного круга. Словно натыкались на невидимую стену. От досады чудовища жутко завывали, рычали, клацали зубами. Пена клочьями летела из пастей. Глаза горели злобой, грязная шерсть вставал дыбом на их спинах. Я чуть не обмочился от страха. Это когда по телеку смотришь ужастик, смеешься над героями, попавшими в лапы монстров, а тут меня самого охватил такой страх, что я еле сдерживался, чтобы не завопить.

Повелительный короткий окрик, и все люди-волки затихли, застыли в покорном поклоне. К кромке заколдованного круга подошел человек с нормальным лицом. На обнаженном торсе, поросшем клочьями рыжеватой шерсти, бугрились стальные мышцы. Кожаные штаны обтягивали крепкие бедра. Высокие сапоги загибались острыми носами вверх. На широком поясе висел длинный прямой меч с костяной рукоятью. Кого-то мне он напомнил. Где же я видел этого Чингачгука. Наконец узнал его жуткий пустой взгляд и бледное лицо. В машине! Он мне привиделся, когда мы с дядькой ехали в Москву... Это он сидел сзади.

– Что, признал, слизняк? – кивнул человек и довольно оскалится.

– Не отвечай ему, – предупредила Клава. – Ты не умеешь говорить с шакалами. – И крикнула Чингачгуку: – Что надо тебе, Аниб?

– Нарушаешь закон! – погрозил грязным когтистым пальцем предводитель. – Нельзя при постороннем называть имена. Он еще не мертвый.

– Он посвященный, – огрызнулась Клава. – А теперь: убери своих псов и дай нам пройти.

– Ишь, чего захотела, – недобро ухмыльнулся он. – Я знаю, что вы задумали. Отдай мне этого слизняка.

– Не отдам, – твердо ответила Неферклава.

– Зачем противишься? Ты же знаешь, что я спокойно могу разорвать твой магический круг.

Услышав последние слова, полулюди-полушакалы приготавились к новой атаке: напряглись, подобрались, как для прыжка. Клава смело подошла вплотную к Анибу. Их разделяла только оплавленная черта.

– Разрывай! Но ты так же знаешь, что я тут же могу высушить тебя. Тогда, грош – цена всем твоим щенкам. Без тебя они превратятся в трусливых шакалов и разбегутся.

Аниб и Клава долго стояли и испепеляли друг друга взглядом. Казалось, даже воздух вокруг них раскалился.

– Хорошо, – сдался Аниб, отступив на шаг. – Если он – посвященный, пусть докажет. Я готов сразиться с ним. Иначе сморю вас здесь. Призову жаркий ветер. Вы иссохните.

– Он будет биться, – нехотя согласилась за меня Клава. – Но поединок пройдет в моем круге. Ты зайдешь один. Прикажи псам отойти на десять шагов.

– Меч мальчишке, – не поворачивая головы, крикнул тот, кого Клава называла Анибом.

Один из волков-воинов бросил к моим ногам изогнутый серпом широкий меч. Я машинально поднял его. Тяжелый! Рукояти, обтянутой толстой кожей, хватило для обеих рук. Лезвие отполировано до зеркального блеска с отведенной острой кромкой. С оружием я почувствовал себе спокойнее. Если кто приблизится, хоть по башке огрею.

– И что теперь? – вопросительно взглянул я на Клаву.

Она ничуть не волновалась. Холодно ответила:

– Сражайся.

– Но я...

– Умеешь, – тут же, твердо прервала она меня.

Аниб обнажил прямой длинный меч. С противным скрежетом клинок медленно выполз из ножен с чеканным узором. Чингачгук одним прыжком оказался в круге.

– Слизняк, бейся! – с издевкой крикнул он. Вокруг завyli псы, подбадривая главаря.

От жуткого воя холодок пробежал по спине. Надо шарахнуть этого Чингачгука хорошенько по лбу, – подумал я и крепче сжал рукоять. Я вспомнил, как бейсболисты бьют по мячику битой, размахнулся и ударил. Враг чуть заметно уклонился назад. Лезвие описало дугу, рассекая с шуршанием воздух. Чуть Клаву не задел. Аниб, сощулив пустые черные глаза, громко рассмеялся. Я ударил еще раз – опять в пустоту.

– Хорош воин, – усмехнулся Аниб, показывая желтые клыки.

Он резко взмахнул мечом над головой. Я еле успел закрыться. Раздался звон. Искры брызнули во все стороны. Руки отсушило, не смотря на кожаную мягкую рукоять. Он ударил еще и еще. Я отходил, едва успеваю защищаться. Враг наступал, безжалостно рубил и хохотал мне в лицо, издеваясь над моей беспо-мощностью. А Клава? Неферклава безучастно наблюдала за поединком.

Предательница! – сетовал я. – Во что меня втянула!

Аниб напирал, пока я не ткнулся спиной в невидимую стену. Удар! Руки немели.

– Тебе конец, слизняк, – холодно изрек противник, отошел на шаг назад, сощурил темные глаза, как бы прикидывая: как меня лучше разделать. А Клава... Все так же безучастно глядела на наш поединок. Ее холодное лицо абсолютно ничего не выра-жало.

– Клава! – крикнул я в отчаянии.

– Ну, что же ты, – упрекнула она меня. – Бейся, как воин. Не будь размазней.

Неожиданно ее слова меня успокоили. Такое бывает, когда просыпаешься утром, кида-ешь взгляд на часы, и понимаешь, что безнадежно опоздал. Теперь тебя ждет куча неприят-ностей. Вскакиваешь с постели, и тут вспоминаешь, что сегодня выход-ной. Сейчас я ощутил тоже самое. А чего я, собственно, испугался? Это же – сон. Я сплю! Мне привиделся очеред-ной кошмар. Никто во сне меня не убьет. А я смогу всех победить. Пустыня, Клава, эти люди-шакалы – все мне сниться. Надо только сосредоточиться и заставить сновидение подчинить своей воле. Откуда только взялись силы и уверенность? Я взмахнул мечом и сделал выпад. Чингачгук еле сдержал мой удар, аж зубами клацнул от напряжения. Теперь я попер на шакала, пытаюсь достать его.

– Почему не смеешься? – крикнул я, заметив, как противник мой переменялся в лице. – На! Получай! Получай! – Я бил со всей дури. Металл скрежетал. Искры сыпались из-под пере-крещающихся клинков. А шакалы вокруг притихли.

Чингачгук извернулся под очередным моим бешеным ударом. Лезвие его меча скольз-нуло по моей груди... Вот, гад! Как ему это удалось?

Со мной что-то произошло. Навалилась слабость. Меч отяжелел, и я не в силах был удер-жать его. Голова пошла кругом. Ноги подкосились. Я попятился назад, готовый свалиться, но наткнулся на упругие холмики груди Клавы. Она подхватила меня под мышки и крепко при-жала к себе, не давая сползти на землю.

– Все! – воскликнул шакал с хищной улыбкой. – Он – мой. Брось его. Я высушу слизняка. Ты же, – это он обращался к Клаве, – можешь убираться.

Мой враг воздел кверху меч и жутко победно расхохотался. Следом засмеялись псы, будто радостно затыкали.

– Довольно! – услышал я над ухом твердый голос Клавы. Перед моим носом возникла ее открытая смуглая ладонь. На ней лежал янтарный камушек – все, что осталось от черного скорпиона.

Яркая вспышка резанула по глазам. Вокруг раздался визг, как будто сотню псов однове-менно били палками. Я ослеп, но почувствовал, что Клава поднырнула под мою руку, крепко схватила меня за пояс и куда-то потащила.

– Неферклава! Гадина! Я все равно тебя достану! – Орал или лаял Аниб.

Ноги заплетались. Я спотыкался о камни, но Клава тащила и тащила меня вперед. Даже не предполагал, что женщины бывают такими сильными. Мы начали взбираться по крутому откосу. Зрение постепенно возвращалось. Наконец, я увидел, что мы почти выбрались из кра-тера. Над головой вновь завывал ветер, закручивая песчаные вихри. Сил у меня совсем не осталось, да и Клава выдохлась. Я оглянулся. Нас преследовали. Вряд ли удастся оторваться. Тело совсем меня не слушалось. Я слабел с каждой секундой.

– Оставь меня, – попросил я. – Не могу больше идти.

– Не раскисай! – требовала Клава. Но она сама тяжело дышала.

– Прекрасная. Ты звала меня?

На кромке откоса, прямо над нами стоял могучий воин с широченными мускулистыми плечами. Из одежды – белая набедренная повязка. Он держал высокое копье. Сослепу я сразу не разобрал, что голова у воина – кошачья.

– Помоги Вася, – крикнула Клава. – Нас преследуют.

Воин схватил Клаву за протянутую руку и без всяких усилий вытянул нас обоих наверх. Сзади слышалось тьяканье преследователей. Люди-шакалы не бежали, а передвигались большими прыжками. Часть их уже преодолевала склон. Наш спаситель произнес заклинание и стукнул копьем оземь. Почва под ногами вздрогнула. Склон тут же обрушился вниз. Опять послышалось жалобное отчаянное тьяканье. Василий взвалил меня, словно мешок на широкое плечо и побежал к пирамиде, к той самой, к которой мы должны были добраться. Земля прыгала перед глазами. Голова болталась во все стороны.

– Разгони тени, – приказал он моей подруге. – Слизняк ослаб. Тени могут накинуться на него.

Клава метала заклинания. В ответ слышался плачь и визг. Я едва держался, чтобы не потерять сознание.

Ветер стих. Кругом мрак. Шаги Василия эхом металась под сводами туннеля. Потом – свет. Я увидел яркое лазоревое небо. Меня опустили осторожно на мягкую траву. Василий склонился надо мной. Зрачки его кошачьих глаз то расширились, то сужались.

– Плох, – наконец произнес он. – Ну, и зачем ты повела его через пустыню Сета?

– Я знаю, что делаю, – отрезала Клава.

– Высохнет он, – безнадежно пожал плечами воин.

– Госпожа Баст разрешит сорвать цветок с дерева жизни.

– Для этого слизняка? – в негодовании воскликнул воин-кот.

– Не нам судить, слизняк он или – нет. Поднимай его. Надо спешить, пока у него еще есть силы.

– Не донесем, – опять покачал головой Василий.

– Что ж, – вздохнула Клава. – Отвернись.

– Ты это сделаешь? – воин чуть не задохнулся от гнева.

– Отвернись! – настойчиво повторила Клава.

Она нагнулась к моему лицу, и я почувствовал ее поцелуй на губах, горячий... Вас когда-нибудь целовала кошка? Ничего интересного. Но я тут же ощутил прилив сил. Как будто огненная струя полилась в меня, разогревая мышцы.

С трудом поднялся на ноги, вновь оперся на плечо Клавы. Мы продолжили путь. Воин с кошачьей головой даже не взглянул в нашу сторону, всем видом выражая свое отвращение.

– Кто он? – спросил я у Клавы, указывая на широкую мускулистую спину воина.

– Василий. Ты его не узнал? Он живет в нашем доме у пенсио-нерки на первом этаже.

– А-а! – вспомнил я. – Черный кот, что вечно торчит у помойных баков.

Василий хмыкнул. Клава серьезно сказала:

– Он не питается помоями. Он гоняет крыс от баков. Вы, люди, должны быть ему благодарны, а не швырять в него камни.

– И за что его благодарить? – не понял я.

– Вместе с мусором вы на помойку выносите отрицательную энергию. Она во всем: в пропавших продуктах, в очистках, в соре, собранном с пола... Крысы питаются этой энергией и заносят обратно ее в дома.

– Крысы, тоже из ваших?

– Серые твари живут в другом измерении, но я бы не советовала тебе туда заглядывать. Ничего интересного не найдешь среди вонючих нор, мрака и вечных драк за превосходство.

Я ощупал грудь, где меня этот гад полосонул мечом. Как будто тысячи иголок впились в тело. От боли поплыли разноцветные круги перед глазами.

– Он меня чуть не убил, – пожаловался я. Но Клава никак не ответила. – Я бы умер?

– Умер? – она задумалась. – До чего же ты еще глупый. Здесь не умирают.

– А как?

– Теряют жизненную энергию. Существо сохнет. Помнишь теней? Они вечно торчат у дверей в переходы. Это иссушенные души.

– За что их?

– За грехи, так, по-моему, у вас это называется. Тени стонут, жалуются. Их отовсюду гонят, издеваются над ними.

– Они так вечно будут существовать?

– Ох, как много вопросов ты задаешь, – недовольно пробурчала Клава.

– Но мне надо знать, – настаивал я.

– Человек, покидая материальный мир, попадает в другие измерения. Если он жил – как это – праведно, то накопил доста-точно положительной энергии. У него сильная Ба.

– Чего?

– Ай, – вновь поморщилась Клава. – Хранитель. Ба защищает человека от теней. Но если человек жил плохо, то и Ба слабая и трусливая. У первых же ворот тени набрасываются на него и высасывают энергию. Грешник сам превращается в тень.

– Ну, насосались тени энергии, а дальше что? – не унимался я.

– Дальше, если хватает сил, проникают в мир живых и пита-ются там отрицательной энергией. Потом, нажравшись, могут попасть в темные миры. Становятся существами, подобными филинам или крысам. Другой путь – помогают живым: совершают добрые дела, не требуя награды. Тень постепенно становится белой. Любая благодарность придает ей силы. В конце, совсем просветлев, ее могут впустить в какой-нибудь солнечный мир и позволят остаться.

– А..., – на меня навалилось сразу столько информации, что я даже не знал о чем спрашивать.

– Пришли, – прервал объяснения Клавы Василий.

Перед нами простиралась цветущая долина. Высокая трава волнами колыбалась под набегающим ветерком. Множество цветов пестрело среди зеленого ковра. А впереди вырос огромный замок. Кругом изящные башенки, арки окошек – как будто полный хаос, но все вместе казалось стройным, продуманным.

– Ничего себе – Кошкин дом? – присвистнул я.

Василий впервые обернулся и испепелил меня недовольным взглядом.

Клава лишь спокойно пообещала:

– Тебе понравится.

Высоченную арку ворот охраняли черные люди – пантеры. Стражники только напоминали людей: руки, ноги, строение тела, но вместо кожи лоснилась короткая шерсть, а голова – хищная, кошачья.

– Куда тащите слизняка, да еще полудохлого? – остановил один из стражников.

– К госпоже Баст, – ответил Василий.

– Натрите его благовониями, – посоветовал брезгливо второй стражник, – провоняет человечинной весь замок.

– Думаешь, если ты яйца вылизываешь, от тебя пахнет лучше? – огрызнулся я. Но стражники даже не глянули на меня.

По ту сторону стен открылся волшебный город. Среди развесистых деревьев стояли причудливые дома, казавшиеся воздушными. Уступами, высоко в небо устремились квадратные башни. Наверху башни соединялись арочными мостиками. И всюду – кошки. Кошки гуляли по улицам, лежали на арочных мостиках, лениво свешивая лапы и хвосты, торчали в окнах.

– Мы в кошачьем раю? – спросил я у Клавы, зачарованный великолепным городом.

– Когда ты прекратишь задавать глупые вопросы? – промур-лыкала Клава и тревожно добавила: – Береги силы. Ты стано-вишься тенью.

Я посмотрел на свои руки. Они стали худыми и бледными. С трудом передвигал ноги. Тяжесть навалилась на плечи. Мы подошли к высоченной башне, напоминающей обелиск. Два здоровенных кота сидели у входа. Один из них взглянул на нас и недовольно прорычал:

– Скорее! Госпожа Баст уже давно ждет вас.

Мы прошли арку и попали в огромный светлый сад. Я оглянулся, но позади нас не было никакого обелиска, только резная легкая беседка и высокие развесистые деревья. Да и город исчез.

– Приклони колени, – быстро шепнула мне Клава.

–А? Чего? – не понял я.

– На колени, – прошипела она и потянула меня к низу за руку.

Я послушно опустился. Даже стало легче. Сил стоять на ногах не осталось совсем. Василий, так же, опустился и склонил голову. Рядом со мной грациозно приклонила колени Клава. Я хотел у нее спросить: перед кем мы... Но не успел. Сверху упал широкий луч яркого света. Возникло видение, будто мираж, постепенно проясняясь, приобретая четкие очертания.

Мы уже были не в саду, а в каменном величественном храме. Среди таинственного сумрака вырисовывались толстые цилин-дрические колонны, покрытые светящимися письменами. Перед нами, в луче света, на кубическом троне с низкой спинкой восседала женщина удивительной холодной красоты. Полупрозрачная белоснежная одежда в мелкую складку облегалo ее сильное стройное тело. Левая рука с тонкими пальцами и плавным изгибом в локте, лежала на коленях. Правая держала сверкающий крест с кольцом наверху. Грива рыжих густых волос уложена назад и прибрана яркими тонкими лентами. Лоб опоясывал широкий металлический обруч с большим граненым кристаллом посередине. Кристалл излучал мягкий голубоватый свет. Уши с большими сережками, но странные: внизу мочки человеческие, а кверху поднимались клином и заканчивались рыжими кисточками, как у рыси. Лицо узкое, с резко обозначенными скулами, строгое, но приятное. Я взглянул в ее желтые глаза с вертикальными щелочками-зрачками, и мозг мой пронзила резкая боль. Я тут же опустил взгляд. Пришлось смотреть на ее ноги, обутые в чудные сверкающие сандалии. По обеим сторонам от стоп богини сидели две сердитые кошки, так мне показалось. Одна кошка абсолютно черная с яркими желтыми глазами, другая белая, белее снега. Глаза у нее были чистые, голубые.

– Это и есть избранный? – строго спросила черная кошка, подозрительно оглядывая меня.

– Да, госпожа, – с почтением ответила Неферклава.

– Почему в нем так мало силы? – задала вопрос мягким бархатным голосом белая кошка.

– Он сражался с Анибом. Тот одним из своих подленьких при-емчиков задел избранного мечом, покрытым лунной пылью, – объяснила Клава.

– Он же теперь высохнет, – с сожалением ахнула белая кошка.

– Разреши вдохнуть ему жизнь, – попросила Клава

– Что? – шерсть у черной кошки встала дыбом. – Да как ты смеешь просить об этом госпожу.

– Но мы должны спасти посвященного. Он нам нужен, – мягко возразила белая кошка. – Что толку от него – обессиленного.

– А напомнить ли тебе про его земные проделки, – вспыхнула черная кошка. – Как он швырял камнями в наших...

– Но, Неферклава разрешает ему жить рядом с ней, – возразила белая кошка.

Это совсем возмутительно. С чего они взяли, что Клава разрешает жить с ней? А кто ее кормит вискасом, да говно за ней убирает? Я решил встрять.

– Это кто кому разрешает, – воскликнул я. – А кто ее на помойке нашел и мыл с шампунью за сто пятьдесят рублей... – я еще много мог рассказать.

– Молчи! – зашипели на меня со всех сторон.

Ничего не оставалось, как только – заткнуться.

Богиня, сидевшая на троне, не проронив ни слова, подняла руку с крестом и указала вправо от себя. Мрачные колонны осветились ярким разноцветным сиянием. Я взглянул в ту сторону. Стройное дерево с шаровидной кроной росло посреди спокойного прозрачного озера. С его ветвей свисали плоды или большие цветы. Именно от них исходило мягкое свечение, очень приятное и кажущееся живым.

– Наша мудрая госпожа разрешает сорвать для человека цветок жизни. Пусть вдохнет, – объявила белая кошка.

– Иди, – сердито кивнула черная Клава.

Моя подруга поднялась и подошла к кромке воды. Тут же на поверхности озерца появились большие розовые бутоны. Бутоны раскрылись, превращаясь в цветы лотоса. Осторожно ступая по цветкам, Клава подошла к дереву и сорвала сияющий плод. Дерево вздрогнуло от ее прикосновения и зазвенело тысячами мелодичных колокольчиков.

Неферклава подошла ко мне и сунула в нос волшебный плод. Формой он напоминал крест с кольцом вверху. Наподобие таких обычно ему таскают на шее.

– Что это? – отшатнулся я.

– Анх – дыхание жизни, – пояснила Клава. – Вдохни аромат цветка. Не бойся.

Я послушался. Чистый воздух, какой бывает в горах с нежной примесью аромата цветов, теплого молока и меда. Да, что там – мне показалось, в нем присутствуют все запахи земли. Мне хотелось вдыхать и вдыхать чарующий аромат. Я чувствовал, как тело мое крепнет. Сила наполняла меня и как вода, разливаясь теплыми струйками по телу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.